

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Июля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12144

ВЪ МИЛАНЪ.

(Путевой очеркъ).

Когда я приѣхалъ въ Комо,—строгій старый городъ у озера съ фуникулеромъ на Брюнате, откуда открывается такой очаровательный видъ на Альпы,—я сно-ва услышалъ это настойчивое слово:

— Sciopero.

Это значитъ:

— Забастовка.

Оно буквально преслѣдовало меня въ Италии. Началось съ Венеции.

Я вышелъ съ вокзала, я уже думалъ отправиться къ пристани, чтобы ѿхать на пароходикъ къ S. Marco, но какой-то старый гондольеръ остановилъ меня, развелъ руками и впервые уронилъ это слово:

— Sciopero.

Выраженіе его лица было таково, что требовало полной покорности. Въ одно слово влагалось сложное содержаніе.

Такъ арабы произносятъ свое „malech“, —т. е. не волнуйся, успокойся, все ни къ чему.

Разъ „sciopero“, значитъ нужно подчиниться; это своего рода судьба, и такъ какъ это явленіе въ Италии почти обычно,—быть,—то горожане не волнуются.

— Почему не ходятъ венеціанскіе пароходики?

— Sciopero.

— Отчего сегодня нѣтъ газетъ?

— Sciopero.

И такъ безъ конца.

— Отчего у васъ нѣтъ молока?

— Sciopero. Не доставили.

Одно слово. Никакихъ поясненій и конецъ.

Именно арабское „malech“.

Приѣхалъ въ Римъ. Первое мая. Конечно,—sciopero.

Ни извозчиковъ, ни трамваевъ, ни магазиновъ.

† Лордъ Чемберленъ.

Отъ нашего корреспондента.

Жоржъ Леганье,

разбившійся на-смерть при паденіи въ Луару.
Первые полеты Леганье состоялись въ 1907 году, и экзаменъ на пилота онъ выдержалъ лишь три года спустя. Онъ участвовалъ во всѣхъ авиационныхъ торжествахъ во Франціи и совершилъ много полетовъ въ Европѣ, всюду удивляя зрителей точностью и смѣлостью своихъ эволюцій.

Всемирную известность получилъ онъ въ 1910 г., побивъ рекордъ высоты (3,200 метровъ) и разстоянія (515 верстъ). Послѣ этого Леганье основалъ аэродромъ въ Корболье, близъ Комплемена, гдѣ обучилъ многочисленныхъ авіаторовъ. Въ прошломъ году онъ снова побилъ міровой рекордъ высоты, поднявшись на 6,110 метровъ. Но въ послѣдніе дни этотъ рекордъ былъ пасбитъ однимъ изъ немецкихъ авіаторовъ.

Отъ нашего корреспондента.

Григорій Распутінъ,

тяжело раненый Гусевой но-
жемъ въ область живота.

Импонирующая тишина. Чувствуешьъ властную, мощную, непоколебимую организацію.

Приѣхалъ въ Комо,—то же самое. Хорошо, что небольшой городокъ, и можно было легко per pedes apostolorum добраться до чудесной площади S. Fidelle, съ древнимъ храмомъ, совсѣмъ коричневымъ и печальнымъ.

И вся площадь такъ же стара, тотъ же стиль „comocin“,—строгій, простой, благородный. Дома съ накренившимися фасадами, выступы черныхъ балконовъ и крыши. Дымные галлерейки, черные впадины кофеенъ,—и точно мышиныя норы,—расходятся въ стороны узкія, узкія улички.

Я полюбилъ эти старыя итальянскія площади, какъ что-то родное и близкое.

На нихъ чувствуешь себя словно дома, уютно, просто, интимно. Мнѣ кажется, что такъ чувствуютъ себя здѣсь и сами граждане-читадини. Кажется, не ушла старая жизнь и представлена этими домами, обгорѣлыми отъ времени; новые поколѣнія точно жмутся къ отошедшими, живя въ домахъ, гдѣ рождались и умирали ихъ дѣды и прадѣды. Все осталось нетронутымъ, и то, что творится сейчасъ въ этихъ старыхъ уголкахъ, кажется, продолжаетъ управляться мудрыми стариками, которые когда то строили эти дома, эту церковь и въ этихъ самыхъ черныхъ и дымныхъ углахъ пили свой вечерній кофе.

Медленная тѣни вились отъ домовъ и вдвое, и втрое складывались на площади. И какъ красиво и важно выглядѣла здѣсь каждая архитектурная линія, когда гдѣ-то загудѣлъ колоколь, и его плачущія волны катились на площадь!

Старыя площади ожидаютъ, когда въ сумерки звонятъ древніе колокола.

Въ этихъ голосахъ необычайный покой и необычайное величие.

Они не знаютъ нового языка. Они ничего не говорятъ сегодняшней суетливой толпѣ. Сурово и мимо течетъ ихъ звонъ.

Они продолжаютъ звать своихъ мертвыхъ, свое прошлое, свое похороненное.

† В. В. фонъ-Метеллеркампъ,
предсѣдатель 2-го гражданскаго депар-
тамента харьк. судебной палаты.

Фот. А. М. Иванющаго.

ПЕРЕЛЕТЪ ПЕТЕРБУРГЪ—КІЕВЪ.

Участники перелета: (слева направо) механикъ В. Панасюкъ, лейтенантъ Г. И. Лавровъ, И. И. Сикорскій, шт.-кап. Х. Ф. Прусицъ.

И. И. Сикорскій возлѣ «Ильи Муромца». На подножкѣ сидѣтъ механикъ В. Панасюкъ.

7 июня, въ 11 часовъ утра, въ Киевъ прилетѣлъ на своемъ знаменитомъ «Ильѣ Муромецѣ» И. И. Сикорскій. Кромѣ механика В. Панасюка, съ нимъ легѣли и два будущихъ первыхъ команда аэроплановъ типа «Илья Муромець»—легчики петербургской аэронавіонной роты капитанъ Х. Ф. Прусицъ и морской летчикъ лейтенантъ Г. И. Лавровъ. Удача перелета лишний разъ доказала выносливость «Ильи Муромца». Разстояніе 1,020 верстъ покрыто въ 13 часовъ 10 минутъ. Сикорскій съ товарищами остался въ Киевѣ до 26 июня, причемъ сдѣлалъ нѣсколько полетовъ надъ Киевомъ. Во время одного изъ полетовъ въ числѣ пассажировъ были сестра Сикорскаго, его дядя, вице-предсѣдатель киевскаго Общества воздухоплаваній Маркотъ и другіе. Въ настоящее время «Илья Муромець» уже прилетѣлъ обратно въ Петербургъ.

которое для нихъ остается вѣчно единственнымъ и вѣчно живымъ.

Прекраснѣе фасада комскаго собора я ничего не знаю. Это древній каменный триумфъ.

Внутри два тона—сѣрый и коричневый, и между колоннами съ изображеніемъ святыхъ событий висятъ вышѣтѣшіе гобелены, тоже сѣро-коричневые.

Подъ этими простыми величавыми сводами, при этомъ освѣщеніи слабомъ и мистическимъ, которое дарятъ потемнѣвшія цвѣтныя окна,—фигуры гобеленовъ

кажутся призраками, легкими видѣніями, которая скользятъ въ тишинѣ и молитвенности этого благороднаго храма.

Послѣ тѣ же чувство покоя, строгой радости и сосредоточенности охватываетъ въ миланскомъ соборѣ,—Кому чудесный прологъ, пѣснопѣніе, которымъ начинается благоговѣйная служба.

Вы всѣ знаете этотъ миланскій соборъ. Что-то очень близкое, хорошо знакомое. Мнѣ онъ напомнилъ старого учителя географіи, свѣтлый гимназическій классъ,

съ двумя

учебниками, разрисованный всѣми карандашами, и на одной его страницѣ—миланскій соборъ, и зеленый, и синій, и красный, какъ разубрали его когда-то наши мальчишеские карандаши.

И вотъ, онъ поднялся предъ моими глазами совсѣмъ живой.

Но мнѣ не понравились эти мраморные кружева, которыхъ, кажется, составляютъ его стѣны.

Вѣра человѣка, Богъ человѣка, это громадная вѣчная скорбь, самое муки-

тельное, самое радостное и безконечное искаленіе его духа. Тутъ подходишь къ тому, что въ человѣкѣ прячется отъ всѣхъ глазъ, молчать для всѣхъ, являетъся его вторымъ, невидимымъ сердцемъ.

Это такъ глубоко, такъ величаво и можетъ быть безконечно страшно. Причемъ же тутъ кружева, хотя бы изъ мрамора, нарядность и пышность? Это чуждо моей вѣрѣ. Не нужно фантастическихъ богатствъ тому дому, гдѣ сердце человѣческое себѣ исповѣдуетъ и себя распинаетъ, гдѣ съ вѣрой, или безъ

вѣры (о, тогда еще горячей и мучительной!) стекаютъ человѣческія слезы.

Вотъ почему не снаружи, но внутри,—такой строгий и величавый,—меня чаровалъ этотъ исключительный храмъ.

Полумракъ, слабая игра свѣта въ цвѣтныхъ окнахъ и холодная тяжелая тѣнь отъ безконечныхъ колоннъ и сводовъ.

Послѣ скромныхъ, полевыхъ, русскихъ, деревенскихъ церковокъ, прекраснѣе которыхъ я ничего не видѣлъ, послѣ нихъ мое сердце дважды било такъ, какъ

бываются дѣтскія сердца. Сначала въ Ая-Софійскомъ храмѣ и потомъ, въ миланскомъ соборѣ.

Вышелъ. Свѣтъ солнца. Небо Италіи. Суетливая толпа.

Тамъ въ храмѣ было что-то вчерашнее. а здѣсь—сегодня и сегодня.

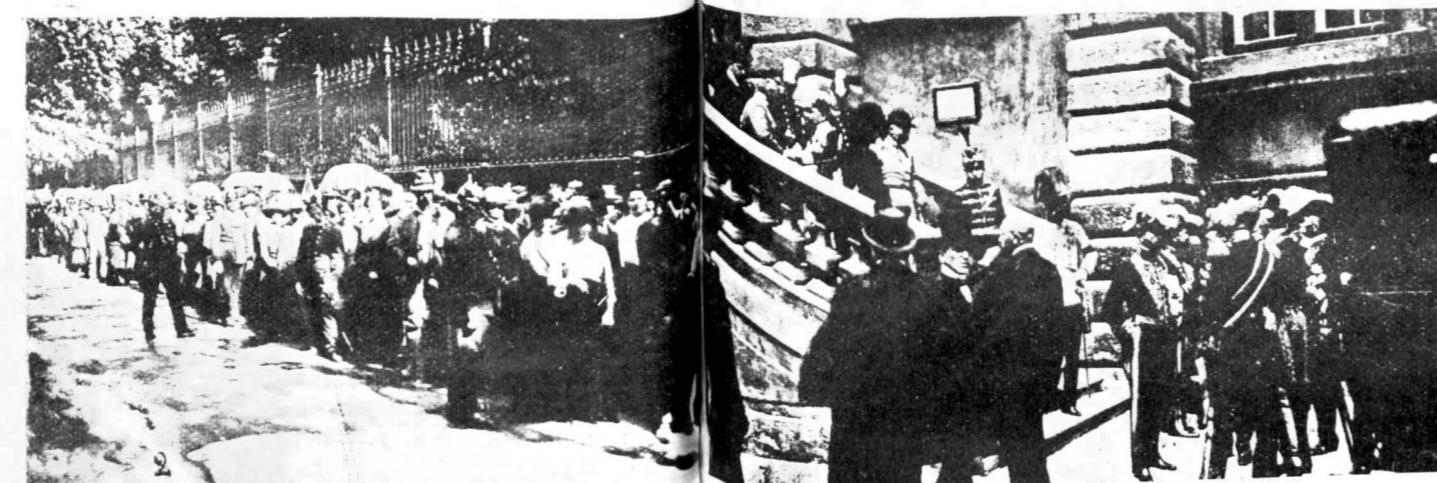
И въ этомъ сегодня—соборъ выглядѣлъ какимъ-то одинокимъ островкомъ,—забытымъ и чуждымъ. Вѣдь вы знаете, что сердце человѣческое теперь тоже потускнѣло и огрубѣло.

Черная каждодневная работа глотаетъ

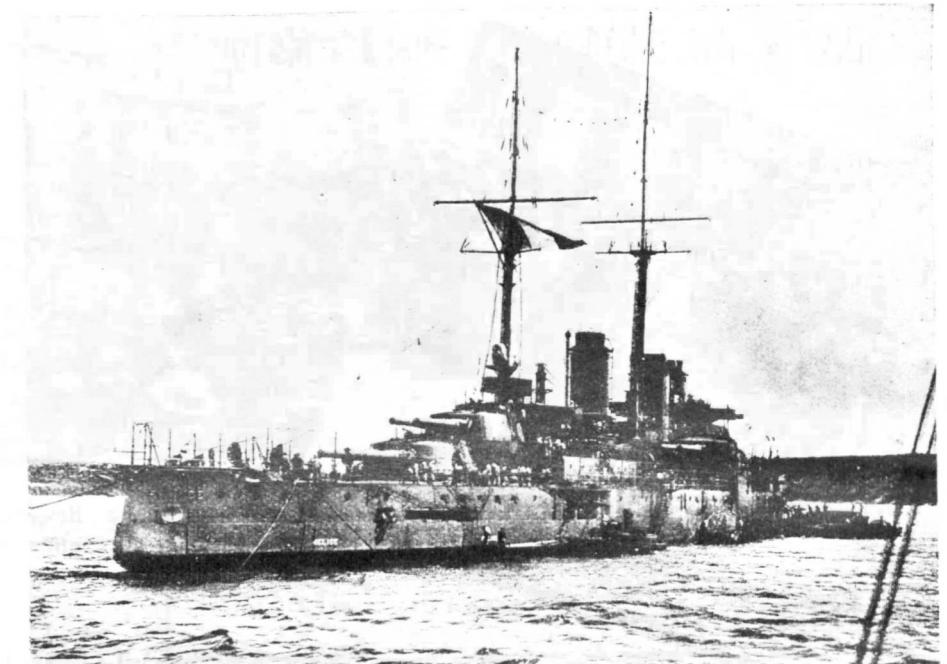
САРАЕВСКОЕ

УБІЙСТВО.

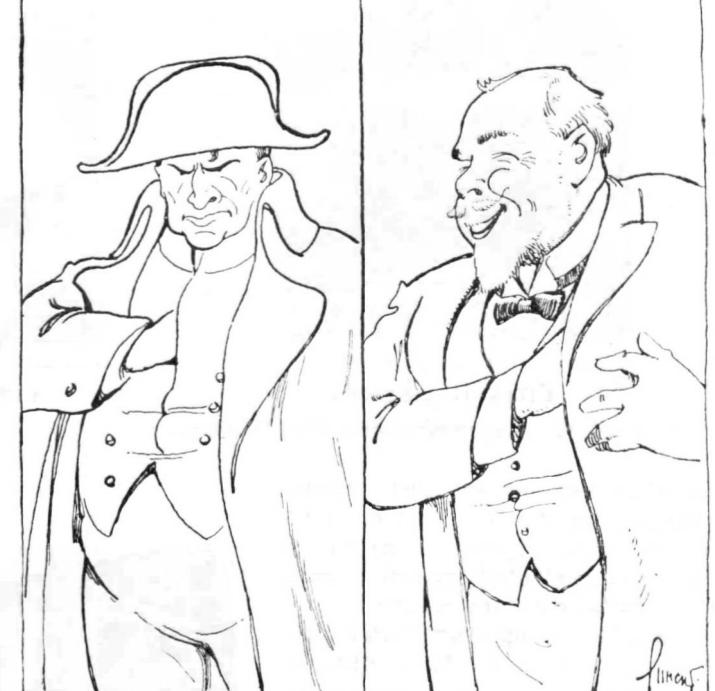
Она изъ него корреспондента.

Дредноутъ «France», на которомъ Пуанкарѣ прибудетъ въ Россію.
Снимокъ для «Южнаго Края».

1, 2, 3. Помещеніе въ Вѣнѣ; императоръ Францъ-Іосифъ съ новымъ наследникомъ покидаетъ дворецъ; 4. Убийство эрцгерцога; 5) Сербскій магазинъ, разгромленный панихиды; 6. Сербское посольство, охраняемое полиціей.

Сто лѣть тому назадъ хорватъ Франція рѣшила только... занять Россію...

Нынѣшній повелитель Франціи рѣшилъ только... занять Россію...

Манифестація парижскихъ женщинъ въ пользу дарованія имъ избирательныхъ правъ.

Снимки для „Южного Края“.

30 лѣтъ въ жалтомъ домѣ.

Какъ у насъ сообщалось, въ гражданскомъ отдельномъ тифлисскомъ окружномъ суда рассматривалось любопытное дѣло объ онекъ надъ Егоромъ Наримановымъ, вырвавшимся недавно изъ сумасшедшаго дома, гдѣ онъ пробылъ безъ малаго 30 лѣтъ. Благодаря его двоюродной сестрѣ Софиѣ Бабаджановой и прис. пов. Степанову, Егора Нариманова удалось освободить изъ сумасшедшаго дома. При переосвидѣтельствованіи онъ былъ признанъ нормальнымъ. Егоръ Наримановъ находится теперь на свободѣ.

Егоръ Наримановъ,
просидѣвшій въ сумасшедшемъ домѣ 30 лѣтъ.

Софья Бабаджанова,
(Освободившіе Нариманова изъ сумасшедшаго дома).

Прис. пов. Степановъ.

чековѣка цѣликомъ, ночью онъ спитъ, какъ уставшее, отработавшее мясо, днемъ продолжаетъ свою суetu и путаницу. Гдѣ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, думать себѣ, о своемъ сердцѣ, о путьяхъ мысли.

Гроши, хлѣбъ и крѣпкіе зузы для враговъ, чтобы самому не быть съѣденнымъ...

Летѣли трамваи, выли автомобили, мѣрно колотили по гладкой мостовой лошади экипажей.

Изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, Миланъ наиболѣе европейскій городъ (еще Туринъ), съ европейской, т. е. безличенной жизнью.

Широкія улицы, громадные дома и совсѣмъ особое достоинство — масса старыхъ тѣнистыхъ садовъ и бульваровъ.

Одинъ изъ такихъ садовъ, въ концѣ концовъ, миланское кладбище, знаменитое *cimitero monumentale*.

Его знаменитые памятники, мраморы и скульптура мнѣ не понравились — холодное, погребальное ремесленничество на заказъ.

Харьковскій городской ночлежный приютъ.

(По поводу опубликованного протокола ревизіонной комиссіи о непорядкахъ въ приютѣ).

Снимокъ для „Южного Края“ фот. „Идеалъ“.

Но все-таки оно особенное, исключительное. Исключительное потому, что здѣсь вы себя чувствуете, словно на улицѣ или въ музѣѣ.

Земля мертвыхъ, тысячи труповъ, мѣсто послѣдней скорби, а вы прогуливаетесь съ совершенно безразличнымъ настроениемъ, — посвистываете, покуриваете, пожалуй, даже поплевываете.

И происходитъ это потому, что у самого входа вамъ продали настоящій музейный каталогъ, потому что каждая гробница имѣть свой номеръ, на который каталогъ даетъ какой-то рекламный отвѣтъ, потому что здѣсь хоронятъ только тѣхъ, кто можетъ закатить себѣ тысячный монументъ, потому, наконецъ, что это не могилы, и какое то безкрестное мраморное хвастовство другъ передъ другомъ. И такъ много совсѣмъ не кладбищенской бабьей голытыбы.

Не кладбище, а какая-то уродливая выставка человѣческаго тщеславія.

Paris.

Ал. Станкевичъ